

Смысл слов Иосифа, приведенных Вассианом, становится еще более понятным, если сопоставить их с обвинениями против Вассиана, высказанными спустя ряд лет учеником Иосифа, митрополитом Даниилом, на церковном соборе. «Чюдотворцев, — обвинял Даниил Вассиана, — называешь смутотворца, потому что они у монастырей села имеют и люди». Возражая Вассиану, митрополит доказывал, что «и в ныняшня лета святии отци чюдотворци села к монастырем имели, но яко богу священо и возложено, твердо сохраняли и соблюдали, и ты почто мнишь и нынешних чюдотворцев страстных?». ⁸⁹ Считая владение селами и людьми несовместимым с чудотворством, Вассиан и его учитель подвергали тем самым, по мнению иосифлян, сомнению святость тех многочисленных чудотворцев «в Русской земле», а также «в тамошних землях», которые владели селами. Здесь перед нами, таким образом, не столько реальное рассуждение Нила и Вассиана, сколько вывод, навязанный им их противниками, — тенденциозный, хотя и не лишенный логики, полемический прием. К аналогичному полемическому приему прибегли спустя несколько столетий старообрядцы в своей борьбе с Никоном: если, говорили они, Никон отрицает святость русских церковных книг, существовавших до его реформы, то тем самым он «хулит» и чудотворцев, «спасшихся» по этим книгам.

Логически связанное с вопросом о владении «селами» обвинение в «хуле» на чудотворцев было, однако, облечено Иосифом в излюбленную им провокационно-инквизиторскую форму и дополнено обвинением, будто Нил и Вассиан «чюдесем их не вероваשא, и от писания изметаשא чюдеса их». Эта инсинуация и заставила Вассиана заявить, что Иосиф облыгает Нила «по страсти, яко человеконенавистник», и подчеркнуть, что «чудес из их святых писаний ничего старец Нил не выкинул, а наипаче исправил с иных с правых списках».

Последнее замечание Вассиана в значительной степени помогает нам разобраться и в тех житийных списках, в которых исследователи видели доказательство «критицизма» Нила Сорского. В каком смысле можно говорить о «критицизме» Нила в этих житиях? Филологическая критика церковных текстов в истории позднего средневековья действительно нередко переходила в критику их содержания, она обнаруживала противоречия между «писанием» и «преданием», разоблачала поздние подделки (например, критика так называемого «Дара Константина» в работах итальянского гуманиста Лоренцо Валла). Однако наряду с такой критикой содержания письменность средних веков издавна знала «критицизм» иного рода — внимательное отношение переписчиков к своим рукописным оригиналам, умение выбрать из нескольких списков более исправный, осторожное пользование сомнительным (прежде всего в смысле исправности текста) и противоречивым протографом. Было бы совершенно неправильно отказывать в такого рода умении работать над текстом русским средневековым книжникам и полагать, что они всегда механически следовали своим оригиналам. Яркие примеры осторожной и тонкой «текстологической» работы над оригиналом дают, например, памятники древнерусского летописания. Уже в летописном своде конца XII в., легшем в основу Лаврентьевской летописи, мы встречаем следы работы составителя над двумя противоречивыми источниками: встретив в одном из них указания, что призванный славянами Рюрик «седе Новогороде», а в другом — «седе в Ладозе», сводчик оставил пустое место после имени Рюрика, отмечая тем самым противоречивость источников. ⁹⁰ Сводку противоречи-

⁸⁹ ЧОИДР, 1847, № 9, стр. 3 и 6—7.

⁹⁰ М. Д. Приселков. История русского летописания. Л., 1940, стр. 80.